

Для всякого танцовщика выступление в главной партии старинного «Дон-Кихота» — не только радостное событие творческой жизни, но и серьезный экзамен. Вот где проверяется весь комплекс профессиональных качеств — яркость и завершенность танцевального почерка, владение разнообразной техникой, свобода сценического бытия.

сберегаемом па-де-де), головокружительно-виртуозную вариацию — во всем проявилась профессиональная натренированность артиста, энергичная уверенность его танцевальной манеры, смелость и обдуманность освоения хореографического текста.

Сказать, что Лавровский симпатизирует своему Базилу, сказать, что

упиваясь «испугом» публики, натачивает клинок, а затем, обдумывая, кого «порешить» раньше — будущего тестя, невесту или самого себя, «закалывается» со всей мыслительной в подобной ситуации серьезностью и обстоятельностью. В давно зафиксированном рисунке роли появилось множество таких деталей, беглых, острых штрихов, из которых складывается образ неотразимо юмористичный и житейски достоверный.

Улыбка в общении с действующими лицами, в созвучности атмосфере праздника, царящей на сцене, в беззаботной легкости преодоления «технических барьеров» танца, в радушии, юношеской непосредственности, вольно, будто интуитивно находимых актерских красок, — вот что определило солнечную, мажорную тональность дебюта. Лавровский добился самого трудного и редко достижимого: он сумел скрыть работу, будто не было долгих месяцев тяжелых и упрямых трудов, будто не было естественных перед столь сложным дебютом волнений, будто его Базиль родился именно в миг выхода на сцену, в шестистаячную аудиторию Кремлевского Дворца съездов.

И, вероятно, какие бы партии ни ожидали его в будущем (а в планах артиста — «Лебединое озеро» и «Спартак»), новый герой всегда останется в числе любимых ролей Михаила Лавровского.

Е. ЛУЦКАЯ.

НОВЫЙ ГЕРОЙ МИХАИЛА ЛАВРОВСКОГО

данные партнера, чувство стиля ансамбля спектакля и, наконец, просто физическая выносливость, необходимая, чтобы выдерживать огромные «перегрузки» роли.

И молодой премьер Большого балета Михаил Лавровский, дебютировав в роли Базилу, выдержал экзамен блестяще. От бравадных выходных соло первого действия — танцев, где чистая классика прихотливо расцветена оттенками испанского танца, до общезвестного финального дуэта, где дебютант показал вовсе неизвестную, поставленную специально для него (Владимир Васильев своим шумным успехом уже «узаконил» подобные вольности в канонически

он «замечательно перевоплощается», — значит сказать мало и приблизительно. Новизна прочтения партии состоит в «незаметности» перевоплощений, в том, что любой момент пребывания Лавровского на сцене воспринимается как счастливый экспромт, как мгновенная, от глаз зрителя не скрытая импровизация. Из нехитрых сюжетных положений балета танцовщик извлекает множество игровых возможностей. Сцена в таверне вдруг становится «спектаклем в спектакле»: пылкий Базиль с повадками заядлого «трагика» корит отца своей избранницы, оплакивает свою горькую судьбу, хладнокровно